

На правах рукописи

Растегаева Мария Николаевна

**РИМСКАЯ AMICITIA НА БЕРЕГАХ СЕВЕРНОГО ПОНТА:
ПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА В I В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Саратов – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель:

Монахов Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», г. Саратов.

Официальные оппоненты:

Абрамзон Михаил Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, директор НИИ исторической антропологии и филологии ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», г. Магнитогорск.

Кузьмин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Самарского филиала ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Самара.

Ведущая организация: федеральное государственное учреждение науки *Институт всеобщей истории Российской академии наук*, г. Москва.

Защита состоится **15 апреля 2026 года в 12.00 часов** на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 24.2.392.02 по историческим наукам на базе ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, к. XI, ауд. 515.

С текстом диссертации можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке имени В. А. Артисевич ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского» по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Университетская, 42, читальный зал № 3, и на официальном сайте: <https://www.sgu.ru/research/dissertation-council/24-2-392-02/rimskaya-amicitia-na-beregakh-severnogo-ponta>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Чернова
Лариса Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из методов римской дипломатии была *amicitia* или внешнеполитическая «дружба», которая представляла собой результат установления невраждебных отношений между государствами и народами. Подобные политические связи не подразумевали обязательное заключение формального союза, хотя и не исключали такой возможности. Особенную актуальность *amicitia* приобретала при выстраивании отношений Рима с государствами, которые располагались на подступах к его границам и никогда не входили в состав римских провинций. Начиная с I в. до н.э. политика *amicitia Caesaris et populi Romani* стала внедряться и на территориях Северного Причерноморья; особенно явно новая политика проявилась в отношениях с Боспорским царством, где в титулатуру правителей были включены определения *φιλορώμαιος* и *φιλόκαϊσαρ*, которые можно перевести как «друг римского народа» и «друг римского императора». Именно в северной части Понта отчетливо выделяется проблематика подчинения территорий *Imperio Romano*; здесь в непосредственной близости друг от друга происходили процессы исключения «варварских» *hostes* из *orbis Romani* и включения в него таких же «варварских» *amicos*. Боспорское царство, простиравшееся от Восточного Крыма до Северного Кавказа и Нижнего Дона, после смерти Митридата VI Евпатора в 63 г. до н.э. оказалось включено в сферу влияния Рима и оставалось в таком положении, по крайней мере, до IV в. н.э., при этом так и не став римской провинцией. Государства Северного Причерноморья были интегрированы в международную торговлю и выступали коммерческими партнерами центров, входивших в состав Римской империи.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что сложная и дискуссионная проблема римской *amicitia* весьма далека от своего окончательного решения и привлекает все новые и новые поколения исследователей, которые иногда подходят к ней с диаметрально противоположных и даже взаимоисключающих позиций. Внутриполитические события в Северном Причерноморье в обозначенный период также не вполне однозначны: зачастую состояние имеющихся в распоряжении исследователей источников заставляет нас основывать свои суждения на весьма зыбких гипотетических конструкциях, которые в большей или меньшей степени основаны на субъективном восприятии данных. При всем этом специфика *amicitia* как метода внешней политики в изучаемом регионе в римский период, как правило, не учитывается. Между тем римская внешнеполитическая дружба – это не просто казенный штамп титулатуры правителей Боспорского царства. Это основа римской дипломатии, с помощью которой Республика, а затем уже и Империя выстраивали отношения с государствами Северного Причерноморья. Предпринятое исследование – это лишь скромная попытка посмотреть на далекую варварскую периферию через призму римской дипломатии. К этому следует добавить еще один момент – небывшее, но регулярное пополнение круга эпиграфических, нумизматических и

археологических источников способно значительно изменить наши представления об истории изучаемого региона не только в частностях, но и концептуально. Этим обусловлена необходимость ревизии данных эпиграфики, нумизматики и археологии, обнаруженных и включенных в научный оборот в ходе исследований последних двух десятилетий. Поэтому диссертация опирается на две основные составляющие: с одной стороны – это подробный анализ уже хорошо известных источников и привлечение новейших исследований, а с другой – обращение к более широкому по охвату материалу в попытках создать целостную и непротиворечивую картину из не всегда сочетаемых и всегда разрозненных фрагментов.

Хронологические рамки исследования охватывают период между I в. до н.э. и IV в. н.э. В качестве нижнего хронологического рубежа выбрано правление Махара – сына Митридата VI Евпатора. Именно его античные авторы описывают как первого внешнеполитического друга римлян на Боспоре. В этот период влияние Рима стало все активнее распространяться на северный берег Черного моря, а далекая окраина античного мира все интенсивнее вовлекаться в орбиту *Pacis Romanae*. Верхний хронологический предел включает в себя начало IV в. н.э. – последнее по времени употребление эпитета *σβασιλεύς* в надписи наместника Феодосии Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа (КБН 64).

Пространственные рамки исследования. Основным направлением исследования стало изучение характера и масштаба римского влияния в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. Географическое понятие «Северное Причерноморье» (или же его вольный аналог «берег Северного Понта», вынесенный в заглавие текста диссертации) традиционно охватывает территорию от Нижнего Дуная до Северного Кавказа и включает в себя Северо-Западное Причерноморье, Крымский полуостров, берега Азовского моря и часть Кавказского побережья. Особый интерес для изучаемой темы представляют ольвийский, херсонесский и боспорский регионы, поскольку их территории никогда не входили в состав римских провинций, а были подвержены римскому влиянию опосредовано – в том числе и с помощью взаимоотношений в форме *amicitia*. Однако в рамках данного исследования речь по существу пойдет об отношениях Рима с Ольвией и Боспорским царством, хотя и с очевидным перевесом в пользу последнего. Причина тому – специфика имеющихся в распоряжении исследователей источников. Судя по всему, политика внешнеполитической дружбы Рима выстраивалась в Северном Причерноморье в двух направлениях: с одной стороны, это *amicitia* с боспорскими царями и влиятельными политиками городов Северного Причерноморья, а с другой – с формально независимыми в разные периоды *civitates liberae*, такими как Херсонес и Фанагория, которые фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу «друзей». В этой работе рассмотрены дружественные отношения Рима именно с конкретными историческими фигурами; к сожалению, изучение вопроса целиком по объективным причинам не может уложиться в рамки кандидатской диссертации, поэтому автор позволил себе оставить вторую часть

темы для дальнейших исследований. При этом и *amicitia* с конкретными политиками северопричерноморского региона также может быть разделена на две большие части – это дружба царей Боспора с императором и римским народом (тителы φιλόκαισαρ и φιλорώμαιος) и знакомство знатных ольвийских и боспорских политических деятелей с римским императором (эпитет σεβαστόγυνωστος). Две эти составляющие были последовательно рассмотрены во второй и третьей главах диссертации.

Объектом исследования стала внешняя политика Рима в государствах Северного Причерноморья в период с I в. до н.э. по IV в. н.э.

Предметом исследования является *amicitia* как инструмент римской внешней политики – ее формы, содержание и роль в отношениях Рима с правителями и политическими деятелями Северного Причерноморья.

Цель настоящего исследования – выявить специфику отношений римской *amicitia* в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. и всесторонне изучить ее развитие в контексте трансформации римской государственности и внешней политики. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько **исследовательских задач**:

– определить основные инструменты и методы, с помощью которых устанавливались отношения римской внешнеполитической дружбы между народами и государствами в период Римской республики и Империи;

– выявить основные черты римской *amicitia* как отношений Рима с эллинистическими государствами и народами варварской периферии;

– выделить основные черты и проследить развитие отношений римской *amicitia* в Боспорском царстве в период с I в. до н.э. по III в. н.э. на основе данных нарративных источников, эпиграфики, нумизматики и новейших археологических исследований;

– определить особенности использования эпитета σεβαστόγυνωστος в надписях Северного Причерноморья в период с I в. до н.э. по IV в. н.э.

Методологические основы диссертации определяются сочетанием базовых принципов исторического познания – историзма и научной объективности. Существенную роль в диссертационной работе играют общенаучные методы, которые включают в себя анализ и синтез, дедукцию и индукцию, а также общеисторические и специально-исторические методы. Автор настоящего исследования обращается к комплексному анализу различных категорий источников – нарративной традиции, данных эпиграфики, нумизматики и археологических материалов, используя историко-критический метод для отбора источников и их последующего анализа. При рассмотрении сведений античных авторов также используется сравнительно-текстологический метод. Ведущим методом в данной работе является историко-сравнительный, который позволяет представить значение государств Северного Причерноморья во внешней политике Рима на Востоке, для чего в ряде случаев требуется выйти за определенные в заглавии географические и временные рамки. Римская политика в Северном Причерноморье – явление крайне сложное и многогранное, для понимания его

сущности необходимо привлечение аналогий из других частей римского мира, в которых применялись схожие политические приемы. В связи с этим особое значение приобретает историко-системный метод, который, с одной стороны, позволяет рассмотреть римскую *amicitia* в Северном Причерноморье как единое целое, а с другой – как составную часть внешней политики Рима. Особое место в настоящей работе занимает транснациональный подход, в рамках которого рассматриваются вопросы о неразделимости метрополий и колоний, имперских практик на местах и ситуации внутри самих государств Северного Причерноморья. Основой исследования стал хронологический метод, который предполагает последовательное рассмотрение изучаемых событий. Однако в некоторых случаях используется ретроспективный метод, суть которого заключена в изучении более ранних событий по их последствиям.

Специфика заявленной темы предполагает обращение к разнородным категориям **источников** – лишь комплексное привлечение материалов античной письменной традиции, эпиграфики, нумизматики и археологии позволит создать относительно полное представление о римской *amicitia* в Северном Причерноморье. Используемые в работе письменные источники можно разделить на две группы – это исторические и географические сочинения. К первой относятся «Римская история» Аппиана¹, «Анналы» и «История» Тацита², письма Плиния Младшего³, «Перипл Понта», «Тактика» и «Диспозиция против аланов» Флавия Арриана⁴, «Борисфенитская речь» Диона Хрисостома⁵, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха⁶, «Римская история» Диона Кассия⁷, «Краткая история от основания города» Евтропия⁸ и «История против язычников» Орозия⁹. В этих работах античных авторов содержатся сведения о римской политике на Востоке, политической жизни Северного Причерноморья в рассмат-

¹ Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с древнегреч. под ред. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера. М., 1998.

² Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. М., 2003.

³ Письма Плиния Младшего. Книги I–X / пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура. М., 1982.

⁴ Арриан Флавий. Объезд Эвксинского Понта / пер. П.И. Прозорова // ВДИ. 1948. Вып. 1. С. 265–275; Арриан. Диспозиция против аланов / пер., комм. и вступ. ст. А.К. Нефедкина // Арриан. Тактическое искусство. СПб., 2010. С. 195–261; *Перевалов С.М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. Тексты, перевод, комментарий. М., 2010.

⁵ Дион Хрисостом. Борисфенитская речь, прочитанная в отечестве (XXXVI) / пер. М. Грабарь-Пассек // Поздняя греческая проза. М., 1961. С. 92–97.

⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М., 1994.

⁷ Кассий Дион Коккейян. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / пер. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб., 2011; Кассий Дион Коккейян. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; предисл. и коммент. А.В. Махлаюка. СПб., 2014.

⁸ Евтропий. Краткая история от основания Города / пер. с лат. А.И. Донченко // Римские историки IV века / М.А. Тимофеев (отв. ред.). М., 1997. С. 7–73.

⁹ Орозий Павел. История против язычников / пер. с лат. В.М. Тюленева. СПб., 2004.

риваемый период и участия в ней Рима, дипломатических контактах боспорских правителей и римской администрации, отношениях с варварскими племенами региона. Об истории позднеантичного Боспора сообщается в трудах Аммиана Марцеллина¹⁰, Зосима¹¹, Геродиана¹², в *Scriptores historiae Augustae*¹³. Вторую группу письменных источников, использованных в настоящей работе, составляют труды двух античных географов – «География» Страбона¹⁴ и «Руководство по географии» Клавдия Птолемея¹⁵, в которых содержатся описания стран и народов, известных в античности, а также сообщения о политических событиях в Северном Причерноморье – контактах с варварскими племенами и отношениях с Римом.

Ключевую роль в изучении данной темы играют эпиграфические источники, которые существенно уточняют и дополняют сведения античной традиции о Северном Причерноморье. Основными памятниками эпиграфики, на которых базируется данное исследование, являются надписи официального характера – разного рода посвящения от имени боспорских царей, магистратов и жителей Северного Причерноморья (пантикапейцев, агриппейцев, танаитов), а также от имени гражданских общин понтийских полисов, строительные надписи, и частного – различные посвящения и манумиссии. Особую роль в настоящей работе играют посвященные и строительные надписи, позволяющие проследить изменения в титулатуре боспорских правителей и показывающие взаимоотношения с местными племенами и с Римской империей, трансформацию государственного устройства и территориального деления. Надписи сообщают о строительной деятельности царей, магистратов и частных лиц, о различных постройках и монументах, украшавших города. В памятниках эпиграфики также упомянуты многочисленные античные центры, которые поддерживали контакты с государствами и политическими образованиями Северного Причерноморья – Амастрия, Византий, Гераклея, Никея, Синопа, Пруса и ряд других городов. В свою очередь, в восточно-греческих городах, да и в самом Риме, были найдены декреты в честь боспорских правителей и граждан, постановления о регламентации торговли, посвящения и надгробия боспорян.

¹⁰ Аммиан Марцеллин. Деяния (отрывки из книг XVII, XIX, XXV) / пер. с лат. Я.Н. Любарского // Историки Рима. М., 1970. С. 401–433.

¹¹ Зосим Комит. История новых времен / пер., ст., прим. Н.Н. Болгова. М., 2024.

¹² Геродиан. История императорской власти после Марка / пер. А.И. Доватура (кн. 1, 2), Н.М. Ботвинника (кн. 3), А.К. Гаврилова (кн. 4), В.С. Дурова (кн. 5), Ю.К. Поплинского (кн. 6), М.В. Скржинской (кн. 7), Н.В. Шебакина (кн. 8); под ред. А.И. Доватура // ВДИ. 1972. Вып. 1–4.

¹³ *Scriptores Historiae Augustae*. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. Д.Е. Афиногенова, комм. О.Д. Никитинского, А.И. Любжина. М., 1992.

¹⁴ Страбон. География в 17 книгах / пер., ст. и комм. Г.А. Стратановского под общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1994.

¹⁵ Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия: Т. 1. Античные источники / сост. А.В. Подосинов. М., 2009. С. 181–195.

Практически все привлекаемые в исследовании надписи выполнены на греческом языке, и лишь единичные эпиграфические памятники – на латинском. Однако в ряде случаев надписи дошли до нас в очень фрагментарном виде, так что порой текст невозможно достоверно реконструировать, а надежное его прочтение остается несбыточной мечтой, порождая все новые и новые споры в среде эпиграфистов. Преимущественно автор диссертации пользуется приведенными в классических эпиграфических изданиях восстановлениями и переводами надписей, при необходимости снабжая их собственными комментариями и переводами. В настоящей диссертации были использованы классические издания греческих и латинских надписей¹⁶ и основные сборники эпиграфических памятников Северного Причерноморья – *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (IOSPE)¹⁷, Корпус боспорских надписей (КБН)¹⁸ и Надписи Ольвии (НО)¹⁹. Но в отличие от произведений античной традиции, список которых вряд ли существенно изменится в обозримом будущем, корпус эпиграфических источников регулярно пополняется. Поэтому в настоящем исследовании также были использованы эпиграфические памятники, открытые и опубликованные после выхода в свет основных сводов классических надписей Северного Причерноморья. Это надписи, происходящие из Пантикапея²⁰, Фанагории²¹, Горгиппии²², Гермонассы²³, Танаиса²⁴, Ольвии²⁵, с Азиатского Боспора²⁶ и ряда других мест.

¹⁶ Corpus inscriptionum Graecarum / A. Böckh (ed.). B., 1828–1877; Corpus Inscriptionum Latinarum / A. Degrassi (Hrsg.). B., 1862; N.S., 1981; Das Delphinion in Milet. Köigliche museen zu Berlin / G. Kawerau, A. Rehm (eds.). Bd. I. Ht. 3. B., 1914; Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / R. Cagnat et al. (eds.). P., 1901–1927; Roman Documents from the Greek East / R.K. Sherk (ed.). Baltimore, 1969; Sylloge Inscriptionum Graecarum / W. Dittenberger (ed.). Leipzig, 1915. Vol. II; The inscriptions of Sinope / D. French (ed.). Vol. I. Bonn, 2004 и ряд других корпусов надписей.

¹⁷ Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Latyshev V. (ed.). Petropoli, Vol. I: 1885; II: 1890; III: 1901; I²: 1916.

¹⁸ Корпус боспорских надписей / В.В. Струве (ред.). М.; Л., 1965; Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций / отв. ред. А.К. Гаврилов. М., 2004. Т. I–II.

¹⁹ Надписи Ольвии (1917–1965) / под ред. Т.Н. Книпович, Е.И. Леви. Л., 1968.

²⁰ Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. Вып. 2. С. 45–81; Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 138–147.

²¹ Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 92–97; Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. Вып. 1. С. 155–172; Он же. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. Вып. 1. С. 238–243.

²² Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. Вып. 2. С. 197–209; Завойкина Н.В., Новичихин А.М., Константинов В.А. Новая посвяtitельная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 2018. Вып. 3. С. 680–692; Завойкина Н.В., Новичихин А.М. Надписи из раскопок в пригороде античной Горгиппии // ВДИ. 2022. Вып. 1. С. 133–149.

²³ Павличенко Н.А. Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // БФ. СПб., 2007. Ч. 2. С. 304–306.

²⁴ Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 2009. Вып. 3. С. 95–107.

Особое место в исследовании отношений Рима и городов Северного Причерноморья занимает нумизматический материал. Монеты дополняют наши сведения об именах и титулах боспорских правителей, о последовательности их правлений. Помимо классических трудов А.Н. Зографа²⁷, необходимо назвать целый ряд работ Н.А. Фроловой²⁸, В.А. Анохина²⁹, М.Г. Абрамзона³⁰ и многих других исследователей.

Особую роль в исследовании вопросов истории Северного Причерноморья играет археологический материал, который продолжает оставаться самым массовым и, что очень важно, регулярно пополняемым источником.

Степень разработанности темы исследования. В течение последних ста лет концепция *amicitia* как инструмента римской внешней политики претерпела значительную эволюцию. Первые попытки разработки данной темы были сделаны еще в XIX в., в трудах Т. Моммзена, который рассматривал отношения *amicitia* как асимметричные, но мирные связи Рима с другими политическими образованиями, которые у исследователя обозначены как «клиентские царства» или «клиентские государства»³¹. Наибольшее развитие концепция Т. Моммзена получила уже во второй половине XX в. в работе «Foreign Clientelae» Э. Бэдиана, который описал развитие внешней политики Рима, исходя из форм зависимости, аналогичных внутриримской клиентеле с моральной основой *fides* и покоившихся на взаимно обусловленных услугах (*beneficium-officium*)³².

Концепция иностранной клиентелы Э. Бэдиана была подвергнута критике рядом авторов³³; особенно спорным оказалось использование ученым понятия

²⁵ Иванчик А.И. Новое посвящение стратегов из Ольвии и проблема восстановления города после гетского разгрома // ВДИ. 2017. Вып. 3. С. 636–650; Карышковский П.О. Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры // ВДИ. 1993. Вып. 1. С. 86–95.

²⁶ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.

²⁷ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951.

²⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 187–247; Она же. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I–II.; Frolova N.A. The coinage of the Bosporus AD 69–238. Oxf., 1979; *Idem*. The coinage of the Bosporus AD 242–341/2. Oxf., 1983.

²⁹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986; Она же. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

³⁰ Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II: Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) // БИ. 2011. Вып. 7 / ред. В.Н. Зинько. Симферополь-Керчь, 2011; Абрамзон М.Г., Смекалова Т.Н., Быковская Н.В. Монетные сплавы античного Боспора: Рентгено-флуоресцентные исследования монет довоенной коллекции, переданной Федеративной Республикой Германии Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику. СПб., 2023.

³¹ Mommsen Th. Das römische Gastrecht und die römische Clientel // Römische Forschungen. Bd. I. В., 1864. S. 355–390; *Idem*. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 54–88.

³² Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B.C.). Oxf., 1958.

³³ Подробнее о критике в среде исследователей см.: Coşkun A., Heinen H. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt “Roms auswärtige Freunde” stellt sich vor // Ancient Society. 2004. Vol. 34.

clientela применительно к римской внешней политике. Основные возражения были высказаны в рецензии Й. Бляйкена, который подчеркнул, что использовавшиеся в Риме термины *patronus* и *patrocinium* не могут быть применимы для описания отношений между представителями разных обществ, поскольку самим «иностранным клиентам» эта практика была попросту неизвестна³⁴. Э. Грюэн также выступил с критикой идеи Э. Бэдиана, считая, что дипломатия Рима в эллинистическом мире была основана на уже существовавших в греческих реалиях политических традициях – римляне использовали гибкий инструмент *φιλία* или *amicitia* для создания «неформальных объединений», переосмысливая эллинистические политические приемы в своих собственных интересах³⁵. Критика различных положений Э. Бэдиана была продолжена в ряде других работ, в которых подчеркивалось, что политические отношения в период Римской империи были значительно сложнее, чем их представлял Э. Бэдиан³⁶.

Отдельной вехой в историографии об *amicitia* стал выход монографии «Rome and the Friendly King» Д. Браунда³⁷, в которой автор показал, что взаимоотношения Рима с правителями иностранных государств выстраивались с помощью уже известных во внутривосточной жизни римлян методов. Такого рода связи зачастую базировались на основных элементах межличностной дружбы, таких как *fides*, *beneficium* и *officium*, *gratia* и *benevolentia*. Исследователь полагал, что контакты с правителями на границах ойкумены были масштабными и приносили различные выгоды (экономические и политические) и той, и другой стороне. Эта концепция постепенно вытеснила историографическую модель патрон-клиент в качестве определяющей рамки для анализа взаимоотношений между Римом и государствами эллинистического мира. *Amicitia* предполагала неформальные соглашения и взаимные обязательства, что способствовало интеграции греческих полисов в римскую систему власти.

Аргументы Д. Браунда чуть позже были дополнены П. Бертоном, который предложил, с одной стороны, несколько социологическую, но вполне созвучную с античной традицией концепцию дружбы, которая предполагала взаимное диалектическое притяжение, возникающее из смешения равенства и неравенства политических партнеров. При этом такое суждение применимо независимо от того, шла речь о друзьях сената, римского народа, отдельных политиков или же императора, а сами эти понятия могли применяться как к частным лицам и

Р. 50–54; перевод статьи на русский см.: Хайнен Х., Чошкун А. *Amici populi Romani*. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима» // *Antiquitas aeterna*. Вып. I. Казань, 2005. С. 284–287.

³⁴ Bleicken J. Review of *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)* by E. Badian // *Gnomon*. 1964. Vol. 36 (2). P. 181–182.

³⁵ Gruen E. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. Berkeley; Los Angeles, 1984.

³⁶ Ferrary J. *Philhellénisme et impérialisme: Aspects idéologiques de la conquête du monde hellénistique*. Rome, 1988; Jehne M., Pina Polo F. Introduction // *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration* / M. Jehne, F. Pina Polo (eds). Stuttgart, 2015. P. 11–15, а также ряд других авторов.

³⁷ Braund D. *Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship*. L.; Canberra; N.Y., 1984.

царям, так и к городам³⁸. Предложенные П. Бертоном тезисы получили развитие и в других исследованиях в начале XXI в. – основная суть всех современных работ по этой теме сводится к тому, что внешнеполитических союзников Рима следует рассматривать не как *clientes*, а как *amici (et socii) populi Romani*, т.е. таким образом, каким эти государства и народы описывали сами римляне. Подобные отношения носили неформальный, неправовой характер, основывались на принципе *fides* и выражали взаимную добрую волю сторон³⁹.

Дальнейшее развитие концепция римской внешнеполитической дружбы получила в рамках проекта «Внешние друзья Рима» («*Amici populi Romani*»)⁴⁰, возглавляемого на момент создания Х. Хайненом и А. Чошкунуном. Исследователи Трирского проекта занимаются изучением форм *amicitia*, которые римские власти устанавливали с отдельными политиками, городами, царями и династиями в позднеереспубликанскую эпоху и в период раннего принципата. Особую значимость в рамках этого проекта имеет изучение языка *amicitia*, особенностей его применения в различных регионах римского мира, а также трансформации форм и методов римской внешнеполитической дружбы в процессе перехода Рима от Республики к Империи. Проект «*Amici populi Romani*» успешно функционирует и сегодня, о чем свидетельствуют многочисленные статьи и монографии его участников, в особенности А. Чошкуна, в сферу научных интересов которого входит и Северное Причерноморье⁴¹.

Таким образом, в работах зарубежных исследователей концепция римской *amicitia* разработана на весьма высоком уровне. Однако на сегодняшний день эти теоретические построения не проверялись основательно и системно на материалах Северного Причерноморья. Во всем многообразии работ по римскому периоду в этом регионе обнаружить специальные исследования, посвященные вопросам римской *amicitia*, достаточно сложно; как правило, эта проблема рассматривается *ad hoc* в связи с историей Боспорского царства⁴², но чаще всего и вовсе опускается, ограничиваясь лишь ссылками на работы зарубежных исследователей. Между тем необоснованно упускаются из виду региональные особенности, а также специфика этого политического института. Зачастую отече-

³⁸ *Burton P.* Clientela or Amicitia? Modelling Roman International Behaviour in the Middle Republic (264–146 BC) // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte.* 2003. Vol. 85. S. 333–369; *Idem.* Friendship and Empire. Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 BC). Cambr., 2011.

³⁹ Подробное описание этой проблемы в целом см. *Coşkun A.* Freundschaft und Klientelbindung in Roms auswärtigen Beziehungen. Wege und Perspektiven der Forschung // *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat.* Göttingen, 2005. S. 1–30.

⁴⁰ Подробнее см.: *Coşkun A., Heinen H.* Op. cit. P. 45–75; перевод статьи на русский см.: *Хайнен Х., Чошкун А.* Указ. соч. С. 280–303.

⁴¹ Список основных публикаций приведен на сайте: <https://www.altayCoşkun.com/publications> (дата обращения: 10.04.2025 г.).

⁴² Подробный обзор литературы по вопросу римской *amicitia* на Боспоре представлен в статье: *Растегаева М.Н.* *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии // *Via in tempore. История. Политология.* 2025. Вып. 52 (1). С. 22–32.

ственные исследователи обращаются к рассмотрению титулов *φιλόκαισαρ καὶ φιλόρωμαιος*, которые встречаются в титулатуре боспорских правителей, трактуя их как показатель политической зависимости Боспора от Римской империи в определенные периоды истории этого государства⁴³.

Существенно повлияла на изучение темы римской *amicitia* в Северном Причерноморье статья Б. Наделя, в которой он рассматривает титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλόρωμαιος* как свидетельства заключения договора о дружбе (sic!) с Римом⁴⁴. По мнению Б. Наделя, суверенитет Боспора был частично ограничен длительными отношениями внешнеполитической дружбы с Римом, проявлениями которой были царские титулы, а также *TEIMAI* на монетах боспорских правителей⁴⁵. С подачи Б. Наделя оксюморон «договор о дружбе» прочно обосновался в литературе о Северном Причерноморье, продолжая и сегодня кочевать в научном сообществе из статьи в статью.

Отношения боспорских правителей с Римом привлекали значительное внимание Д. Браунда. Титулы *φιλόρωμαιος* и *φιλόκαισαρ* в надписях от имени царей Боспора, по его мнению, были неформальным почитанием римских покровителей, что, однако, не отменяло местных династических традиций – в эпиграфике благодарности императорам сочетаются с упоминанием происхождения царственной особы от Митридата VI⁴⁶. Исследователь полагал, что использование подобной конструкции в титулатуре зависимых правителей не подчинялось единым правилам, а было ситуативным в зависимости от правителя и от царства⁴⁷. После Д. Браунда вновь вернулся к вопросу о политической ориентации боспорских царей Б. Функ, отметив, что первоначальный смысл терминов *φιλόρωμαιος* и *φιλόκαισαρ* состоял в демонстрации доброжелательного отношения к Риму и императору. Значение этой системы состояло в установлении дружеских связей без каких-либо далеко идущих претензий. Рим в таком случае получал гарантию нейтралитета Боспора, тогда как царям предоставлялась относительная свобода действий на местном уровне⁴⁸. Рассуждения,

⁴³ См, напр.: *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб., 1909. С. 107, 112, 113; *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т. XXV. М., 1916. С. 1–24; *Он же.* Эллинизм и иранство на Юге России. Петроград, 1918. С. 106–107; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 27, а также ряд других авторов.

⁴⁴ *Надель Б.* Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. Вып. 3. С. 212–214.

⁴⁵ *Nadel B.* *Reges amici* Ryinocnego Naczarnomorza i ich stosunki prawno-polityczne z Rzymem w ostatnim wieku republiki i pierwszych dwuch stuleciach cesarstwa // EOS. 1961. Vol. 51. S. 133–134.

⁴⁶ *Braund D.* Rome and the Friendly King... P. 105–106.

⁴⁷ *Ibid.* P. 107.

⁴⁸ *Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 76–77. См. также *Funck B.* Das Bosporanische Reich aus der Sicht Strabons // *Klio*. 1985. Vol. 67. S. 273–280; *Idem.* Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // *Das Altertum*. 1986. Bd. 32. Hbd. 1. S. 27–35.

близкие к тезисам Б. Функа, содержатся в докторской диссертации А.Р. Панова – он полагает, что в римском утверждении нуждался статус монарха вообще, а титулатура боспорских царей не требовала обязательной санкции Рима⁴⁹. Исследователь подчеркнул, что титулатура боспорских царей гармонично сочетала в себе как местные, так и римские элементы – правители именовали себя великими царями и великими царями царей, но в то же время открыто признавали свою зависимость от Рима через титулы *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ*⁵⁰.

Наибольшее значение для изучаемой темы имеет монография «Antike am Rande der Steppe» Х. Хайнена⁵¹, который полагал, что на Боспоре дружба с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная и взаимодополняющая конструкция. Все титулы, эпитеты и должности, которые встречаются в надписях, а также имена боспорских царей, демонстрируют их политическую лояльность по отношению к римским властям, но никак не свидетельствуют о вассальной зависимости Боспора. *Φιλορῶμαιος* и *φιλοκαίσαρες*, с одной стороны, придерживались традиций эллинистических монархий, а с другой – все больше демонстрировали свои связи с римским народом и императором, подчеркивая это краткими и емкими определениями в своей титулатуре. Продолжающий сегодня активную работу Трирский проект затрагивает и боспорскую проблематику, а пришедший на смену Х. Хайнену А. Чошкун весьма активно публикует обстоятельные исследования по ряду вопросов⁵². При этом ведущиеся на западе дебаты об *amicitia populi Romani* практически не нашли отражения в отечественных исследованиях римско-боспорских связей в период поздней Республики и принципата. За небольшими исключениями такая же картина наблюдается и в отношении западных историков к работам российских коллег.

Научная новизна исследования. Внешняя политика Рима достаточно давно привлекает к себе внимание со стороны исследователей, а количество научных работ, специальных статей и монографий, посвященных этой проблематике, с каждым годом растет. Однако в науке об античности пока не появилось труда, который бы системно рассматривал вопросы о римской внешнеполитической дружбе в Северном Причерноморье. Учитывая весь корпус доступных нам источников, окончательные ответы на ряд существующих по этой проблеме вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение *amicitia* на берегах Северного Понта, которое, к сожалению, в науке об античности пока проведено не было. Настоящее исследование было предпринято с намерением ис-

⁴⁹ Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней Республики – ранней Империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дис. ... д.и.н. Н. Новгород, 2009. С. 357.

⁵⁰ Там же. С. 360.

⁵¹ Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, 2006. S. 28–57.

⁵² Основные публикации А. Чошкуна по вопросам изучения «римской дружбы» в Северном Причерноморье представлены на его сайте <https://www.altayCoşkun.com/publications-3> (дата обращения: 24.11.2024 г.).

править сложившуюся ситуацию – по существу, представленный текст является первой в отечественной и зарубежной историографии попыткой системно рассмотреть *amicitia* как инструмент римской внешней политики в Северном Причерноморье в период с I в. до н.э. по IV в. н.э., с привлечением всего спектра источников – нарративных, эпиграфических, нумизматических и археологических. В ходе исследования были выявлены основные черты римской *amicitia* как отношений Рима с эллинистическими государствами и народами варварской периферии; определены основные инструменты и методы, с помощью которых устанавливались отношения римской внешнеполитической дружбы между народами и государствами в период Римской республики и Империи; дана целостная характеристика римско-боспорских отношений; прослежены изменения в политическом статусе Боспорского царства; уточнена роль отдельных боспорских правителей в формировании и развитии института *amicitia*; показано, что титулы боспорских царей (φιλορῶμαιος, φιλόκαισαρ) и эпитет σεβαστόγυνωστος в надписях региона выполняли важную идеологическую и пропагандистскую функцию, отражая особенности политической коммуникации между Римом и Северным Причерноморьем; уточнено место государств Северного Причерноморья во внешнеполитической системе Рима, показана их роль в механизмах интеграции приграничных территорий в орбиту *Pacis Romanae*.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет дополнить взгляды исследователей на многообразие проявлений отношений *amicitia*, которые могли устанавливаться как на государственном, так и на межличностном уровне, уточнить не только сведения о политической истории региона, но и общие представления о римской дипломатии, рассмотреть *amicitia* как инструмент интеграции государств Северного Причерноморья в систему *Pacis Romanae*, а также определить ее роль в процессах взаимодействия центра и периферии. Представленное исследование – это и разработка проблемы, связанной в целом с политикой и идеологией в римском мире, и возможность интеграции результатов работы в *imperial studies* мировой науки, где тема *amicitia* изучается в рамках отдельных проектов или даже научных школ. Однако очевидно, что европейские и американские исследователи, занимающиеся схожими вопросами, зачастую не учитывают массу русскоязычной литературы, как говорится, *rossica non leguntur*, а также не имеют возможности проведения аутопсии тех или иных эпиграфических или же археологических источников, которые хранятся в фондах российских музеев. Кроме того, зарубежными исследователями иногда сознательно игнорируется масса архивных материалов, к примеру, отчеты о проведении археологических работ на юге России в разные годы. Поэтому в этом отношении русскоязычные исследователи имеют ряд очевидных преимуществ.

Из обозначенных выше положений вытекает и **практическая значимость работы**: представленное исследование может послужить базой для разработки как общего, так и специального учебного курса по данной тематике, и быть использовано историками и археологами, обращающимися к вопросам истории

Северного Причерноморья, а также к римской восточной политике в целом. Приведенные в Приложении 1 таблицы могут стать весьма значимым подспорьем в дальнейших исследованиях политической истории изучаемого региона в период с I в. до н.э. по IV в. н.э. в форме статей и монографий. Представленный текст может оказаться небезынтересен и для исследователей других периодов всеобщей истории – в рамках сравнительно-исторического анализа вопросов международных отношений. Кроме того, можно сказать, что обращение к проблемам римской внешней политики не теряет своей актуальности и в современных реалиях, помогая лучше понимать международные и межэтнические процессы, сущность которых в своей основе схожа с античными.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Римская внешнеполитическая *amicitia* представляла собой гибкий и универсальный инструмент включения в сферу влияния Рима варварских племен и эллинистических государств, с помощью которого с правителями, народами и полисами устанавливались неформальные и внеправовые отношения, не подразумевавшие обязательное заключение союза или образование провинции. *Amicitia* не была сугубо юридическим институтом, предполагавшим обязательное заключение договора, а представляла собой систему символических и неформальных дипломатических отношений, основанных на принципе *fides* и сопровождавшихся ритуализованными практиками (дары, взаимные благодеяния правителей, включение указаний на установленные отношения дружбы в титулатуру и иконографию монет, посольства, установка статуй и посвящений, строительство храмов, переименования городов, личные визиты дружественных царей в Рим);

2. *Amicitia* не была ни неизменно данной, ни рационально predetermined составяющей внешней политики Рима – она трансформировалась по ходу развития римской государственности, оставаясь актуальным инструментом дипломатии вплоть до IV в. н.э. Титулатура дружественных царей не была строго установленной конструкцией – в согласовании с римской администрацией нуждался статус друга в целом, а его региональные воплощения на монетах и в надписях зависели от местных традиций. Статус внешнеполитического друга Рима официально утверждался императором или магистратом, обладающим *imperium*, и римским сенатом, который осуществлял свою власть от имени римского народа;

3. Государства Северного Причерноморья с периода после смерти Митридата VI Евпатора и вплоть до конца III в. н.э. оказались вовлечены в систему *amicitia*, сохраняя формальную независимость, но при этом постоянно подчеркивая невраждебные отношения с Римом (посвящения римским императорам, упоминания об *amicitia* на монетах и в надписях, посольства в Рим, установление экономических связей с римскими провинциями);

4. Отношения Рима с государствами Северного Причерноморья развивались по модели «асимметричной взаимности», в которой обе стороны получали выгоды: Рим – безопасность на приграничных территориях и стабиль-

ность, местные элиты – статус и поддержку гегемона. При этом местные традиции власти не противоречили отношениям дружбы с Римом, а гармонично сосуществовали с ними;

5. Титулы и эпитеты царей и политиков Северного Причерноморья не были замкнутой и устоявшейся конструкцией; они изменялись по ходу трансформации римской государственности и политики на Востоке, а также зависели от характера надписей, их авторов и обстоятельств создания текстов. Титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλόρωμαίος* в надписях и монетах Боспорского царства выражали политическую лояльность к Риму, а также были средством легитимации и легализации власти правителей, при этом фиксируя включение государства в систему римской политики. Эпитет *σεβαστόγυνωτος* был региональной вариацией титулов, подчеркивавших связи богатых и знатных политиков с римскими властями; он имел, скорее, символическую, нежели юридическую нагрузку, и отражал стремление элиты городов Северного Причерноморья к публичной демонстрации связей с центром Империи.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы прошли апробацию в виде докладов на различных всероссийских конференциях: «Рождественские агоны X» (Тверь, 2021 г.), X, XI и XII научно-практические конференции «Young Scholars' Research in the Humanities», СГУ (Саратов, 2023–2025 гг.), XVIII, XIX и XX научные конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ANTIVVITAS IVVENTAE», СГУ (Саратов, 2023–2025 гг.), III и IV научно-практические конференции «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй», Самарский филиал МГПУ (Самара, 2023 и 2025 гг.), IX Всероссийская конференция с международным участием «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории», СГУ (Саратов, 2024 г.), научная конференция «XXIII Сергеевские чтения», МГУ (Москва, 2025 г.), XXVIII научная конференция по антиковедению и медиевистике «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие», ЯрГУ (Ярославль, 2025 г.), V научная конференция «АРХОНТ-2025. Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории», ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь, 2025 г.). Основные положения работы отражены в девяти публикациях, три из которых вышли в изданиях, рекомендованных ВАК. Исследовательская работа по тематике диссертации была поддержана в рамках конкурсного отбора 2025 г. на назначение стипендии Президента РФ для аспирантов и адъюнктов, проводящих научные исследования в рамках реализации приоритетов научно-технологического развития РФ (приказ Минобрнауки России от 28.05.2025 г. № 456).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и двух приложений (таблицы (3 табл.) и иллюстрации (40 рис.)).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, определены его объект и предмет, цель и задачи, уточнены хронологические и территориальные рамки, представлена методологическая основа диссертации. Затем дана характеристика источников, которые были использованы в работе, после чего приведен подробный анализ зарубежной и отечественной историографии по теме исследования и ее отдельным аспектам. Далее обоснованы научная новизна диссертации и ее практическая значимость, дана краткая структура работы, отмечены этапы ее апробации, а также сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Римская *amicitia*: понятие и дефиниции» состоит из четырех параграфов и посвящена рассмотрению общих вопросов *amicitia* в римском мире. В *первом параграфе* (1.1) «*Amicitia* как политическая категория» автор обратился к этимологии исследуемого понятия и его словоупотреблению в текстах античных авторов и некоторых римских надписях. Особое внимание было уделено политическому подтексту *amicitia* в самом Риме, где подобные отношения подразумевали не только личные, но и политические связи, которые могли быть основаны на взаимных интересах, выгодах и обязательствах. С одной стороны, *amicitia* была добровольным выбором сторон, основанным на личной приязни и преданности, но с другой – предполагала обоюдную выгоду за счет взаимных обменов подарками. Римская *amicitia* стала одним из институтов социально-политической системы Рима, который также был успешно внедрен в систему международных отношений с иностранными государствами и народами.

Во *втором параграфе* (1.2) «*Amicitia* и φίλια: внешнеполитическая дружба и эллинистический мир» был рассмотрен вопрос о соотношении римских и эллинистических практик установления невраждебных отношений между государствами и народами. *Amicitia* не была изобретением римских дипломатов; во многом она была основана на греческой φίλια, которая представляла собой важную форму межгосударственных отношений задолго до прихода римлян, которые переосмыслили эллинистические образцы в своих интересах. Понятия *socii et amici*, *societas*, *amicitia*, φίλια, φίλος καί σύμμαχος не являлись показателем существования формального договора между двумя государствами. Дружба и союзный договор не были равнозначны; хотя в ряде случаев *amicitia* вела к заключению договора, сама по себе она обычно не накладывала каких-либо союзных обязательств. В римской системе внешнеполитических отношений не существовало понятия нейтралитета, поэтому противоположностью *amicitia* была *inimicitia*, которую в русском переводе лучше передавать именно как «недружба», а не «вражда». При этом даже *civitates liberae* – формально независимые города – фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу друзей. Однако следующие из отношений *amicitia* ожидания и обязательства сторон регулировались моралью (*fides*), а не законом. *Amicitia* в

греко-римских отношениях была тесно связана с более широкой темой соотношения полисной свободы и римской гегемонии, однако понятия ἡγεμονία и ἐλευθερία не противоречили друг другу.

Третий параграф (1.3) «Римская amicitia и варварский мир: формы и методы дипломатических контактов» посвящен рассмотрению отношений *amicitia* римских магистратов и императоров с варварскими вождями и народами – на примере племен, обитавших к северу от Дуная. Для варварских царей *amicitia* с римским народом и императором, безусловно, была неким статусом, который они зачастую подчеркивали официальными титулами. При этом римские политики никогда не использовали подобных определений для обозначения своих невраждебных отношений с другими правителями и народами. Отношения внешнеполитической дружбы с Римом, вероятно, не всегда отражались в почетных титулах – *amicitia* могла существовать и без принятия формальных определений. *Amicitia* предполагала установление некоторых обязательств для каждой из сторон – как правило, экономического и внешнеполитического характера. Ключевой частью римской дружбы был обмен дарами и благодеяниями (*munera* и *beneficia*), наряду с демонстрацией *fides* и *gratia*. Римские императоры направляли субсидии варварским царям, а те в свою очередь могли оказывать им содействие в проведении военных кампаний. Выражение личной признательности царей Риму, как воплощение их *gratia*, часто принимало форму символических жестов, направленных на то, чтобы подчеркнуть преданность Риму и его правителю. Это могли быть основания и переименования городов в честь римских военачальников и императоров (примеры из Иудеи, Понта и с Боспора), установка статуй и создание посвящений, строительство храмов. Внешнеполитическая стабильность, обеспечиваемая властью дружественного царя, в случае внутренних кризисов становилась зоной ответственности Рима – если друг Рима утрачивал способность управлять своей территорией, вмешательство императора и сената становилось необходимым. Эти методы оставались актуальными для отношений Рима с иностранными государствами вплоть до IV в. н.э.

В *четвертом параграфе (1.4) «От amicitia populi Romani к amicitia Caesaris»* рассмотрена трансформация внешнеполитической *amicitia* по ходу развития римской государственности. Начиная со второй четверти I в. до н.э., античные авторы все чаще сообщают о внешнеполитической дружбе не с римским народом в целом, а с конкретными римскими политиками – Суллой, Помпеем, Цезарем или Августом. Эти изменения стали особенно заметны с приходом к власти Октавиана Августа – если ранее иностранные правители стремились заручиться поддержкой влиятельных римлян, то теперь центром власти в Империи стал принцепс. Эта система позже получит отражение в титулатуре дружественных царей, где на рубеже эр к φιλορώματος прибавляется еще и φιλόκλαρος, демонстрируя, что тот или иной правитель теперь является официально признанным другом сената, римского народа и императора. Однако нельзя сказать, что принцепс единолично распоряжался вопросами *amicitia* – внеш-

няя политика находилась в ведении сената, и именно сенат предоставлял тем или иным народам или правителям статус друга римского народа и принимал послов. При всем этом подобные отношения не всегда выражались титулом *φιλόκαισαρ* – существовали региональные вариации титула «друг императора» – *φιλοκλαύδιος*, *φιλογερμανικός*, *φιλοσέβαστος*, *φιλονέρων*, которые могли изменяться в зависимости от смены правителя на римском престоле. Отношения *amicitia* были универсальным инструментом римской дипломатии, однако в каждом регионе существовали свои особенности их демонстрации.

Вторая глава «Римская *amicitia* и Боспорское царство» состоит из пяти параграфов (некоторые из них делятся на пункты), которые соответствуют пяти этапам развития римско-боспорской дружбы, выделенным на основе анализа титулатуры и монетной чеканки царей Боспора. *Первый параграф* (2.1) «Установление дружественных отношений после смерти Митридата VI» посвящен политике Махара, Фарнака, Асандра и Динамии (2.1.1 – 2.1.4). В это беспокойное и для Северного Причерноморья, и для Рима в целом время инициаторами создания дружественных отношений становятся боспорские правители, которые, проявляя свою *fides*, посылают римским военачальникам и императорам дары и совершают разного рода благодеяния, подтверждающие их невраждебные намерения по отношению к римской власти. Именно в этот период впервые в боспорской эпиграфике появляется титул *φιλορώμαιος*. Важной особенностью надписей царей-друзей Рима в это время является отсутствие титула *φιλόκαισαρ*, который характерен практически для всех более поздних боспорских династов. Видимо, он вообще не использовался в эпиграфике до начала I в. н.э., что вполне перекликается с обозначенными выше особенностями развития *amicitia* в римском мире. Золотая чеканка Боспора в этот период не свидетельствует о каком-либо существенном влиянии со стороны Рима – на аверсе помещался бюст правителей, а на реверсе – вполне традиционные боспорские сюжеты с именем и титулом царей. Внутриполитическая нестабильность на Боспоре в этот период вызывала беспокойство в Риме – римляне считали себя обязанными восстанавливать порядок и династическое благополучие в дружественном государстве, о чем свидетельствуют сюжеты с Митридатом Пергамским и Полемоном. Кроме того, мощная система обороны, созданная усилиями боспорских царей к концу I в. до н.э. и включавшая в себя несколько оборонительных линий, создавалась не без римского содействия, поскольку укрепление рубежей союзного государства, примыкавшего к границам, очевидно, было и в интересах Рима. Благодарностью боспорских правителей за помощь римской стороны во внутренних делах, безусловно, могли быть посвящения Динамии Августу и Ливии, в которых они описаны как спасители и благодетели, а также переименования Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию.

Второй параграф (2.2) «Боспорские цари – *φιλοκαίσαρες καί φιλορώμαιοι*» посвящен правлению Аспурга (2.2.1) и Митридата VIII (2.2.2). Именно в начале – середине I в. н.э. в титулатуре боспорских царей происходит ряд изменений, отражающих общий настрой *amicitia* по отношению к зависимым государствам

orbis terrarum – к формулировкам о дружбе с римским народом добавляется дружба с римским императором. Новая конструкция оказалась встроена в систему привычных титулов, но при этом ее использование не было строго унифицировано на тот момент, о чем говорит вариативность титулатуры Митридата VIII. Судя по надписям и монетам, и Аспург, и Митридат были утверждены на престоле римским императором и сенатом; при этом оба царя, вероятно, явились для этого в Рим лично. Важной особенностью золотой монетной чеканки в этот период становится портрет римского императора на аверсе, что свидетельствует о влиянии Рима, подтвердившего по обыкновению право выпуска золотых монет в зависимых царствах. Очевидно, что иконография на монетах сочетала в себе две тенденции политической пропаганды боспорских царей – с одной стороны, подчеркивалось влияние Рима в регионе, а с другой – сохранялись местные традиции. Кроме того, *amicitia* на Боспоре в это время могла устанавливаться не только с его правителями, но и с вождями варварских племен. Внимание римской стороны к боспорским делам особенно проявилось во время внутривластной борьбы за власть между сыновьями Аспурга, в которую оказались втянуты и войска Империи.

В *третьем параграфе* (2.3) «Формула дружбы: стандартизация титулатуры боспорских царей от Котиса I до Савромата I» рассмотрена *amicitia* с Боспором в период правления царей между Котисом I и Савроматом I. Полномочия боспорских царей в это время также санкционируются римскими императорами, о чем свидетельствуют золотые статеры с их портретами. Котис I создает титулатуру, которая становится фактически стандартной формулой для всех последующих правителей Боспора – к титулам *φίλοκαίσαρ* и *φίλορῶμαλος* были добавлены *tria nomina* – три элемента римского имени, первые два из которых затем оставались неизменными от царя к царю – Тиберий Юлий, эпитет *εὐσεβής* – «благочестивый», а также титул «пожизненный верховный жрец императора». Начиная с Рескупорида I боспорские цари именуют себя *εὐεργέτης τῆς πατρίδος*, а также помещают на монетах изображение боспорского царя и его титул. Такая иконография на монетах Боспора будет сохраняться до конца их чеканки в IV в. н.э.

Показательно при этом различие титулатуры боспорских правителей в официальных надписях и в частных – если в официальных текстах подчеркивалось происхождение из царского рода, *fides* по отношению к римскому императору и к своему отечеству, то в текстах, предназначенных, так сказать, для внутреннего пользования эти моменты опускались. Неизменными во всех надписях остаются благочестивость боспорского царя и его дружба с Римом, что, видимо, было важно и для городов Боспора, и для внешнего мира. Еще одним нововведением Рескупорида I становятся *TEIMAI* на монетах, которые были даром римского императора боспорскому царю в знак установленной дружбы, а потому такой выбор сюжетов также был связан с официальной пропагандой боспорских царей.

Четвертый параграф (2.4) «Боспорское царство и римская *amicitia* при Антонинах и Северах» обращен к развитию *amicitia* боспорских царей между Котисом II и Рескупоридом II. В надписях этих царей титулы представлены достаточно скромно – они именуются только римским *tria nomina*, титулами $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$ $\kappa\alpha\iota$ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$ и $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\acute{\eta}\varsigma$. При этом цари Реметалк и Евпатор, судя по надписям, не были пожизненными верховными жрецами августов, что, вероятно, может быть связано с их происхождением. Вполне возможно, что между боспорскими и римскими правителями имели место и личные контакты. *Gratia* боспорской стороны за покровительство Рима также выражалась в посвящениях императорам как благодетелям и утвердителям, причем такого рода жесты, как правило, делались, когда права на престол того или иного царя были бесспорными. Вероятно, подобные формулировки являлись ситуативным изобретением царской титулатуры, видимо, связанным с непосредственным вмешательством императора во внутренние дела царства. Судя по всему, со второй половины II в. н.э. боспорские цари при посредничестве наместника провинции Вифиния-Понт периодически получали римские субсидии, которые предназначались главным образом для укрепления оборонительных рубежей, прикрывавших в конечном счете и римские границы.

Пятый параграф (2.5) «От Котиса III до Дуптуна: римско-боспорская дружба на закате Империи» рассматривает *amicitia* при царях между Котисом III и Дуптуном. Видимо, в III в. н.э. боспорские правители продолжают следовать традиции *amicitia* с Римом – в надписях они именуются как $\phi\lambda\omicron\kappa\alpha\iota\sigma\alpha\rho$, $\phi\iota\lambda\omicron\rho\acute{\omega}\mu\alpha\iota\omicron\varsigma$, $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\acute{\eta}\varsigma$, носят римское имя Тиберий Юлий, однако из титулатуры пропадает определение «пожизненный верховный жрец августов». Упоминание о дружбе с Римом в надписях, а также изображение бюста императора на монетах, позволяют говорить о том, что цари Боспора, следуя устоявшейся практике, также утверждались на боспорском престоле после согласования с римским императором и сенатом – внешнеполитическая *amicitia* и в этот период не теряет своей актуальности, хотя прибегают к ней значительно реже, что, в целом, логично, учитывая непростую ситуацию в самом Риме и на его границах. Вполне возможно, что, в связи с возникшей в Риме внутри- и внешнеполитической нестабильностью, в это время прекращаются выплаты субсидий боспорской стороне. Показательно, что начиная с правления Котиса III, фиксируется значительное ухудшение качества металла в золотых статерах. Середина III в. н.э. стала периодом серьезного кризиса для Боспорского царства, когда к власти, по выражению византийского историка Зосима, пришли «недостойные и презренные люди» (Zosim I.313), которые оказались не в состоянии сдерживать натиск варварских племен.

Третья глава «Эпитет $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ в надписях Северного Причерноморья», состоящая из трех параграфов, рассматривает отношения *amicitia* между римскими властями и известными политиками Северного Причерноморья. В *первом параграфе* (3.1) «Императорский титул $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ в региональной эпиграфике» были приведены некоторые общие наблюдения относительно истори-

ческого фона и особенностей надписей со словом Σεβαστός, которые происходят из Ольвии и Пантикапея и датируются периодом с первой половины I в. н.э. и до 306 г. н.э. В случае с Ольвией (*второй параграф* (3.2) «Σεβαστόγυνωστος в Ольвии: от Абаба до Каллисфена») эпитет σεβαστόγυνωστος восходит к представителям новой ольвийской аристократии, которые возвысились в период «второго основания» города в середине I в. н.э. Потомки этого рода также использовали данный титул, однако применительно к предкам, от которых они происходили, поэтому σεβαστόγυνωστος не передавался по наследству, но, очевидно, был неким статусом. В случае с надписями из Пантикапея (*третий параграф* (3.3) «Боспорские σεβαστόγυνωστοι: между Римом и местной традицией») σεβαστόγυνωστοι являются высшие должностные лица Боспорского царства, которые носят римские имена, а один из них даже является римским всадником. Эпитет σεβαστόγυνωστος встречается только в надписях Северного Причерноморья и Вифинии в период с конца II в. н.э. по начало IV в. н.э., что позволяет говорить о нем как о региональной лексической традиции.

Получается, что эпитет σεβαστόγυνωστος использовался не высшим слоем римского общества, а богатыми провинциалами. Видимо, римские власти оказывали какое-то содействие этим политическим деятелям, правда, не вполне понятно, были ли σεβαστόγυνωστοι действительно знакомы с августиами. Вероятно, эпитет σεβαστόγυνωστος предполагал известность заслуг тех или иных деятелей не самим римским императорам, а, скорее, представителям римской власти в провинциях, в данном случае Мезии и Вифинии. Это могла быть их служба в римской армии, участие в посольствах, а также содействие в создании экономических связей и поддержании ранее сложившихся. Несмотря на лексическую разницу φίλια и γυνῶσις, титулы и эпитеты, восходящие к этим понятиям, свидетельствовали об установлении внешнеполитической *amicitia*, правда, на разных уровнях. При этом методы установления дружбы и в том, и в другом случае были примерно схожими.

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы. *Amicitia* с римским народом и императором не предполагала обязательное включение территорий в *orbis Romanum* – формально государства Северного Причерноморья продолжали оставаться независимыми, сохраняя свои законы и политическое устройство. Дружественные отношения в Северном Причерноморье выстраивались сторонами с помощью вполне стандартных приемов и методов римской *amicitia* – взаимные дары и благодеяния (субсидии, содействие императоров в экономических и политических делах), благодарности неримской стороны в виде многочисленных посвящений, статуй, храмов, переименований городов, а также посольства граждан полисов к «гегемонам» и поездки боспорских царей в Рим. Отношения с Римом не сводились к подчиненности – они вписывались в более сложную региональную систему представлений о монархии. Цари Боспора одновременно подчеркивали свой статус друзей Рима, сохраняя при этом верность местным традициям власти – это проявлялось в их титулах и монетной чеканке. В этом отношении пропаганда бос-

порских правителей преследовала двойную цель – с одной стороны, подчеркивала легитимность их положения в рамках римской системы власти и лояльность царей Риму, а с другой – их суверенитет в глазах собственных подданных. Статус друга Рима предполагал ряд преимуществ – видимо, местные правители были заинтересованы в поддержке, в том числе и военной, не меньше, а порой даже и больше, чем сами римляне нуждались в них. Они втягивали Рим в свои междоусобицы и нередко напрямую натравливали римлян на своих противников, а установление *amicitia*, как правило, сопровождалось оживлением торговли с римскими владениями, но внешнеэкономические процессы были лишь отражением развития взаимоотношений в военно-политической сфере. При всем этом политику и пропаганду боспорских царей не следует рассматривать изолированно от общей ситуации в римском мире. В особенности это касается титулатуры правителей Боспора – она не была замкнутой и устоявшейся конструкцией, а изменялась по ходу трансформации римской государственности и политики на Востоке; титулы и эпитеты царей и политиков Северного Причерноморья во многом зависели от характера посвящения и его автора. Эти замечания и в целом применимы к практике *amicitia* в регионе – очевидно, что дружественные отношения были ключевой составляющей, в рамках которой развивались контакты с Римом по ходу его истории. Именно в связи с этим политическая история Северного Причерноморья в римский период нуждается в основательной ревизии. Тема римской *amicitia* поистине необъятная, и ее успешная разработка могла бы сделать честь целому коллективу исследователей. Не претендуя на абсолютность выводов, предпринятая работа представляет лишь некоторые наброски к теме, которая, безусловно, должна рассматриваться более глубоко и системно – подробного изучения требуют вопросы об отношениях Рима с *civitates liberae* Северного Причерноморья, контактах с провинцией Вифиния-Понт, боспорских посольствах в Рим и многие другие, обстоятельное рассмотрение которых позволит уточнить и дополнить по существу наши представления о римской *amicitia* в Северном Причерноморье.

В **Приложениях** приведены таблицы и рисунки разъясняющие, иллюстрирующие или детализирующие положения диссертации. Для удобства работы с надписями все они были систематизированы в виде таблиц в Приложении 1, причем характер предложенной в диссертации компоновки эпиграфических материалов обусловлен задачами настоящего исследования: таблицы созданы по тематическому принципу (таблица 1 посвящена титулатуре боспорских царей-друзей Рима, в таблице 2 отражены посвящения римским императорам в надписях Северного Причерноморья, а в таблице 3 – посвящения политическим деятелям региона, которые были «известны Августам»), в них отражена основная информация о той или иной надписи (шифр и номер надписи, происхождение, датировка, характер надписи, ее автор), а также фрагмент текста надписи, который принципиален при рассмотрении того или иного вопроса.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях из перечня ВАК:

1. *Растегаева М.Н.* К вопросу об участии Ольвии в римско-боспорской войне середины I в. н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 4. С. 58–75.
2. *Растегаева М.Н.* Ольвиополиты «известные Августам»: титул $\sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\upsilon\nu\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2024. Т. 24, вып. 3. С. 325–332.
3. *Растегаева М.Н.* *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии // *Via in tempore*. История. Политология. 2025. Вып. 52 (1). С. 22–32.

Статьи, опубликованные в других изданиях и сборниках материалов научных конференций:

4. *Растегаева М.Н.* Еще раз о значении термина *manubiae* // Античный мир и археология. Саратов, 2021. Вып. 20. С. 89–98.
5. *Растегаева М.Н.* «Законное право» на награбленное: распределение военной добычи и римская *civitas* периода Республики // Античный мир и археология. Саратов, 2023. Вып. 21. С. 110–139.
6. *Rastegaeva M.N.* *Arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae: notes on the report of Ammianus Marcellinus about the altar with a dedication to Caesar Augustus in Olbia (Amm. Marc. XXII.8.40)* // *Young Scholars' Research in the Humanities*. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Саратов, 2023. С. 199–206.
7. *Rastegaeva M.N.* *A Few Notes about the Honorary Decree of Karzoazos, Son of Attalos (IOSPE I² 39)* // *Young Scholars' Research in the Humanities*. Proceedings of the XI All-Russia conference for young researchers “Young Scholars’ Research in the Humanities”. Saratov, 2024. P. 154–159.
8. *Растегаева М.Н.* Царь Асандрох и Боспор на рубеже эр // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / под ред. И.А. Ладынина, А.В. Сафронова. М., 2025. С. 118.
9. *Rastegaeva M.N.* *The epithet $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ in the inscriptions of the Northern Black Sea region* // *Young Scholars' Research in the Humanities*. Proceedings of the XII All-Russia conference for young researchers “Young Scholars’ Research in the Humanities”. Saratov, 2025. P. 202–207.

Подписано в печать 12.01.2026.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать RISO. Усл. печ. л. 2,5.
Заказ № 9. Тираж 100.

Отпечатано в типографии ООО «Новый ветер».
410056, г. Саратов, ул. Астраханская, 79.
Тел. (8452) 911-123, 911-125, 911-105
E-mail: newwind2008@yandex.ru
www.newwind64.ru